

к С(ЧУВ)

А 84

18438-к

ПОРФИРИЙ ДФАНАСЬЕВ

КОРНИ

✓

С(Чув) А-94

Порфирий Афанасьев

КОРНИ

СТИХИ, ПОЭМЫ
Перевод с чувашского

Чебоксары
Чувашское книжное издательство
1984

Обязат. экз.

ББК 84.3 Чув.
А 94

ПРОВЕРЕНО
20 W

Афанасьев П. В.

А 94 **Корни. Стихи и поэмы:— Чебоксары, Чувашское книжное издательство, 1984.— 80 с.**

30 к., 1500 экз.

«Корни» — первый поэтический сборник на русском языке лауреата комсомола Чувашии им. Михаила Сеспеля, известного чувашского поэта Порфирия Афанасьева. В него вошли стихи о Родине, дружбе, любви, а также поэмы «Хлеб» и «Сокол», получившие большую популярность среди чувашских читателей.

16436-к

ББК 84.3 Чув.

4702650000—083

А

М 136 (03)—84

55 84
Чувашская
© Чувашское книжное издательство, 1984
РЕСПУБЛИКАНСКАЯ

БИБЛИОТЕКА
ИМ. М. ГОРЬКОГО

ЭТО ГОРДОСТЬ ЧУВАШИИ

Это гордость
Чувашии вольной моей:
Родниковые воды —
глаза журавлей.
Цивиля переливы
и сумрак Суры,
А на их берегах
вековые боры —
Там и белка, и заяц,
и лось-великан,
Рябчик песню поет,
и таится фазан...
Нет дорожке мне с детства,
родней и милей
Этих красок
Чувашии вольной моей.
Эти краски Чувашии вольной
моей
С каждым годом светлей,
с каждым годом новей.
За курганами древними,
через ковыль,
Сквозь завесу веков
и дорожную пыль

Мне мерещится предок
в лохмотьях, в лаптях,
Но с надеждой во взоре
и силой в руках.
Это он в ковылях
умирает от ран —
Там, где Разин Степан,
Пугачев Емельян...
Это он сохранил
для грядущих веков
Много тысяч узоров,
и песен, и слов!..
Это гордость
Чувашии вольной моей,
Что взрастила
умелых и смелых парней,
Под крылом Октября
возродилась она —
Ей навеки счастливая
доля дана.
Это гордость
Чувашии вольной моей —
С ней Чапаев, и Сеспель,
и Павлова с ней!
Космонавт Николаев
по крови чуваш —
Со Вселенной
земляк разговаривал наш!..
Да и мало ли дел у тебя
и заслуг,
Плещет новое море —
труд жилистых рук.
Так расти и живи
для труда и любви.
Пусть, Чувашия,
славятся нивы твои!

* * *

Давно,
В тот первый день,
Мой день рожденья,
Счастливая, мне говорила мать.
Что молодого месяца свеченье
Вдруг увидала —
То к добру, видать.

Давно,
В тот первый день,
Мой день рожденья,
Отец на фронте увидел, как вдруг
Закрыл тот месяц черный дым
сраженья

И, говорит, подумал —
Не к добру.

Я сам отец уже,
Держу младенца.
Ни дыма, ни пожара нет вокруг,
Лишь дымкой облака прикрыло месяц.
А вот тревожно вдруг забилося
сердце:

К добру ли это,
Или не к добру?..

ЛЕНИН

Его имя теперь навек
Будет реять над миром вечным,
Чтобы видел маяк извечный
Всяк трудящийся человек.

Его имя теперь навек
Будет, страхом врагов кореза,
Жить, чтоб правда всегда над ложью
Непременно брала бы верх.

Его имя теперь навек
Укрепится в каждом народе,
Чтоб в стремлении вечном к свободе
Братство классов не знало вех.

Его имя теперь навек
Светлым солнцем светить нам будет.
И всегда будут видеть люди
В нем слиянье живительных рек.

Его имя теперь навек,
Это доброе имя — Ленин,
Будет знаменем поколений,
Пока будет жив человек!

СЛАВА ХЛЕБНОМУ ЗЕРНУ

Славлю хлебное зерно,
Словно жизнь, приемлю.
Разрастается оно,
Только бросишь в землю.

Яркой зеленью взойдя,
Все покроют всходы.
Тут и солнца и дождя
Просишь у погоды.

Быстро вверх идет росток
В поле, полном света,

Колоситься самый срок —
Середина лета.

Силу колос наберет,
Станет животворным,
И тогда придет черед
Появиться зернам.

Затвердеет, примет стать,
Станет зваться хлебом,
Будет золотом блистать
Под высоким небом.

Светом тем озарено
Сердце человека.
Славься ж, хлебное зерно,
Ныне и навеки!

БОГАТЫРЬ

Круг арены.
И вроде б на ней
были к месту малюточки-пони.
Но, как ветер,
стремительно кони
мчатся в искрах
жемчужных огней.
Все извечно
в мелькании дней.
В этой скачке
себя не догонишь.
Но сегодня
мне вспомнились кони,
что прекраснее этих коней.

Мне не надо гадать на ладони —
то, что было, я вижу ясней.
Тропы детства
торили мне кони
неторопкой рысцою своей.
Время было —
не сыщешь трудней.
Шла война по оплавленным верстам.
Я был младшим.
Шутливо в семье
все меня называли Наперстком.
И, хоть сколько о том не жалея, —
отощали колхозные кони.
И одна из таких лошадей
мне служила в лесу и в загоне.
Кто-то имя ей дал —
Богатырь,
но совсем не за мощь и за силу.
Исходив всю колхозную ширь,
нас она из беды выводила.
Грязь ли, стужа ли, зной ли, метель —
Нету отдыха ей и покоя.
Жидкой гривы седую кудель
я ласкал ей, на цыпочках стоя.
С тихой грустью глядели глаза.
Нет, словами о том не расскажешь.
Только верю, хотела сказать:
«Мы любую осилим поклажу.
Потерпи. Нам недолго терпеть.
Отгремит затяжное ненастье.
Не споткнутся бы только теперь —
Возвратятся достаток и счастье...»
Лет немало минуло с тех дней.
Всякий раз, проходя по деревне,
вижу в бронзу отлитых коней,
вставших в центре села под деревья.

То — мечта.

Не расстанусь я с ней.

Я венок возложил бы к подножью
тех великих военных коней,
столько вынесших в жизни своей,
что и вынести невозможно.

ПАХАРЬ

Я счастлив, мне доверила судьба
Увидеть то, за что и жизнь отдашь всю:
Закончив пахоту и пот смахнув со лба,
Лег пахарь и любовно обнял пашню.
Он к ней припал, поцеловал без слов,
Как матери натруженную руку...
И пенье золотых колоколов
Торжественно заполнило округу.
Душою захотелось выше стать.
Ведь солнце, закатившееся, встало!
Я верю, эту силу волшебства
Земля за ласку в пахаря вливала.
И мой ровесник (он в моих годах,
Мне кажется, его я знаю с детства)
Взял за руку и ввел меня туда —
В мир, где свершилось сказочное действо.
И я вошел. Так входят лишь во храм.
Лучам навстречу хлеб струил колосья.
Мечта о счастье, что всегда мудра,
Здесь песней ожила звонкоголосой.
Не отыскать нигде в краях иных,
Чтоб столь бездонным было поднебесье.
Где лишь вчера прошла гроза войны,
Сегодня льется солнечная песня.
Увидел я сквозь щедрый дождь зерна —

В садах цветущих города и села.
Заводов трубы. Милая страна,
В тебя всю жизнь вхожу я новоселом.
А рядом — дом. Наличников узор.
И для гостей раскрыты настежь двери.
Дом пахаря. Я захожу во двор.
И вижу то, во что я сердцем верил.
Я Павлову встречаю в той семье.
И Сеспель за столом сидит с тетрадью.
Искрится музыка. Летит навстречу мне
Родных напевов трепетная радость.

О, как прекрасен этот новый дом!
В нем все созвучно — труд, стихи и пенье
В нем — счастье всех, рожденное трудом.
В нем — лучшее из сотен поколений.

...Я счастлив, мне доверила судьба
Увидеть то, за что и жизнь отдашь всю:
Закончив пахоту и пот смахнув со лба,
Лег пахарь и любовно обнял пашню.

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Не знаю, сам ли помню или мама
О том, как было все, поведала потом —
Зашел сосед к нам и с порога прямо
Сказал: «Войне — конец!»
И будто вздрогнул дом.

Отец, домой пришедший по раненью
Недели три назад, привстал из-за стола.
Щека его худая от волненья
Белее стен вокруг, мне кажется, была.

И тут меня он, малого, заметил,
И подхватил легко, и вскинул над собой,
Забыв о глубине глухих отметин,—
Сильнее боли, ран была в тот день любовь!

Не знаю, помню это или мнится,
Но, выпорхнув тогда из рук отца-бойца,
Я до сих пор лечу свободной птицей
Над отчею землей без края и конца.

ТРИДЦАТЬ ТРИ

Вот пробило мне все тридцать три!
Долго ходил я в раздумье глубоком,
Поняв, что сгинула в пепле зари
Треть из того, что отпущено богом.

Молча назад оглянулся, но там
Тридцати трех молодцов не заметил.
Дальние — хилые, складки у рта,
Каждый со следом военных отметин...

Помню, я был худосочный малец.
Мать напекла картофляников рыжих...
Вдруг объявили — войне той конец!
И оказалось — я все-таки выжил!

...Нет за спиной моей богатырей
Тридцати трех, больше бледности хилой.
Но оттого — лишь намного щедрей
Подвиг родительский Родины милой.

Даже в глухую годину смертей,
Кровью своей омывая дороги,
Не забывала она про детей
И помогла нам подняться на ноги.

РЕКА МЕДУНИЦА

Семьдесят семь родников —
Пылсирма.*
Я от твоих берегов
Без ума.

Их вольнодум Сидуган
Обожал:
От кабалы к берегам
Убежал.

Сладил свой первый шалаш
Новосел.
Выросли села чуваш,—
Много сел.

Сказывал мне старожил:
Над рекой
Ильмово-де заложил
Предок мой.

Выбрала даль берегов
Жизнь сама.
Семьдесят семь родников —
Пылсирма!

Дважды счастливый счет
Узнаю!
Каждый родник поет
Песнь свою.

Каждый из них торил
Путь в глуши,
Песни свои дарил
Для души.

* Река Медунца.

Семьдесят семь родников —
Пылсирма.
Учила меня для стихов
Жить сама.

Прилежным учеником
Можешь звать.
Новым твоим родником
Мне бы стать!

Новым твоим ключом
Стать-посметь,
Родине горячо
Песню спеть!

* * *

Тише!
Тише!
Тише!
Родился прекрасный малыш
И припал к материнской груди —
Тише!
В поэте проклюнулась мысль,
Он схватился за авторучку —
Тише!
Прорастает ржаное зерно
Сквозь черную пахоту к солнцу —
Тише!
Доверилась жизнь мастерству
И твердому духу хирурга —
Тише!
Впрочем, под тишиной
И другие дела творятся.

Вон анонимщик в углу
Сочиняет донос на брата —
Тише!
Вон в темноте за кустом
Притаился подлый убийца —
Тише!
Вон страшный атомный гриб
Затмевает сиянье света —
Тише!
Вон траурным черным стоном
Захлебнулась бронза оркестров —
Тише!
Слушайте,
Если длину с шириной
Мы признали мерой пространства,
Если мы по Эйнштейну
Мерой мира считаем время,
Так почему б тишину
Нам тоже не сделать мерой
Человеческого участия
К счастью чужому и горю,
К надеждам чужим и порывам —
Мерой зла и добра?

С УХОДОМ ДНЕЙ

С уходом дней и истеченьем лет
Отзывчивых людей стал находить я чаще.
И вижу — среди друзей неверных нет.
И, кажется, жена в любви ко мне все чише

Но как же тот, что мне не пожелал
Удачи на веку? Он спрятался иль сгинул?
В недобрых утонул своих делах,
Иль искупленья ждет, покуда час не минул?

Нам жизнь дается раз, а потому
Держу в душе наказ отцовской доброй воли
И если в душу сам вхожу к кому,
То с пожеланьем лишь добра и лучшей доли

Увижу на лице усталом боль
Или как режет след слеза седым
кристаллом —

И уж готов пожертвовать собой,
Под ту чужую жизнь свое плечо подставить

Не похваляюсь я добром души.
Душа поэта — нет, не мягкий шелк,
не золото

В борьбе с врагом она легко крушит
Лукавый мир безжалостным булатом.

Друзья мои, враги мои, на свет
Мир наших душ видней, чем в зиму чащи...

С уходом дней и истеченьем лет
Отзывчивых людей стал находить я чаще.

ВЫСОКАЯ ЗВЕЗДА

Якову Ухаск

Поклон тебе, наш дядя Яков!
В стихах восславив свой народ,
Ты под счастливым этим знаком
Семьдесят первый встретил год.

Крут перевал. Но в мудрой жизни
Достиг ты звонкой вышины,
Откуда все края Отчизны
Все уголки ее видны.

И первый тот,— судьбы начало,
Твой Башкортостан, Слакбаш родной,—
Где нежно мать тебя качала
Когда-то в зыбке лубяной...

О, щедрая земля Слакбаша!
Пробившись к свету из нужды,
Зажгла ты в небе для чувашей
Две поэтических звезды.

Дал яростный Октябрьский ветер
Родному слову два крыла —
И жаворонком на рассвете
Свободно песня поплыла.

Все выше, выше! Голос ясный
Вошел желанным в каждый дом.
Ты звал народ на труд прекрасный,
Не забывая о былом.

...Трудился твой Кельбук исправно,
Навечно встав под красный стяг.
С его работою ударно
Чуваши все сверяли шаг.

А в час, когда непобедимо
Народ поднялся на врага,
С тобою шли в строю едином
Стихи в солдатских сапогах.

Ты звал вперед! Но вот Победы
Настал долгожеланный миг,
И ты, огонь войны изведав,
Опять запел про труд и мир.

Учил ты жить нас, жить по праву,
Сердца открытыми держать,
Родной язык беречь и славу
Родной культуры умножать.

Учил любить леса и реки,
Долины, горы и поля,
Чтобы, прекрасная вовеки,
Цвела родимая земля.

Так пусть же, устали не зная,
Сегодня, завтра и всегда
Горит воистину земная
Твоя высокая звезда!

ЖИВУ У ВОЛГИ

Я живу у Волги многоводной,
На земле чувашской плодородной.
Имя ее славное известно,
Кажется мне, в мире повсеместно.

Я живу у Волги, у красивой,
У могучей, посреди России.
Кто на Волге — молодой ли, старый —
Не слыхал про город Чебоксары!

Я живу у Волги, на просторе,
На широком рукотворном море,
Все о нем в газетах прочитали —
От Днепра до Ангары и дале.

Я живу у Волги, в дивном крае,
Где Чапаев жил и Николаев.
Люди здесь — со щедрыми руками.
Крепко повезло мне с земляками.

ДЕЛАЙ ДОБРО

С человеком беда.
Одинок он. Страдает.
На душе пелена
И не видно ни зги.
И хотя он открыто
К тебе не взывает —
Подойди к нему сам,
Расспроси, помоги.

К человеку пришло
Долгожданное счастье.
Может, сердце его
Распирает любовь.
И хотя он при этом
Не просит участия —
Подойди к нему сам,
Помоги ему вновь.

Человек оступился,
Споткнулся о камень —
Жизнь, известное дело,
Совсем не проста.
И хотя он призывно
Не машет руками —
Подойди к нему сам,
Помоги ему встать.
Человек человеку
Не просто свидетель.
Человек — это званье
Дано нам навек.
Пусть же в каждом из нас
Победит добродетель,
Чтоб спешил к человеку
С добром человек.

И у прекрасной Демы
на виду
Порадуюсь: цветет
башкирский край
Я разделил бы этот час
с тобой
И слушал бы, на круче стоя
тут,
Как дружно после вахты
трудо­вой
Нефтяники о Родине поют.
Встречал бы нас любимый
Бижбуляк,
Где шурсухалы мудрые живут,
Где чудится Нарспи летучий
шаг,—
Не крылья ли любви ее несут.
С тобой я разделил бы миг
другой
У наших обновленных
Чебоксар,
Где боевая стройка над рекой
Столице преподносит море в дар.
В Чувашии — горячая пора,
Ты сам ее почувствуешь,
когда
Увидишь исполины трактора.
Дает им силу человек труда.
Я разделил бы этот миг
с тобой,
Готов тебя приветить весь
наш край,
И, любящий поэтов всей
душой,
Тебя по-братски обнял бы
Ухсай.

Урал и Волга — это на века.
Разбит об их твердыню вражий
стан.

И наша дружба, как гранит,
крепка.

Ты в сердце навсегда,
Башкортостан!

* * *

Мать ждала, а дочь не возвращалась.
Рыжий лес кружил листвою ржавой
И не пели в небе больше жаворонки.
Мать ждала, а дочь не возвращалась.
Хоть Земля очистилась от скверны
И тюльпаны выглянули первые —
Мать ждала, но дочь не возвратилась.
Ожиданье в камень превратилось.
И стоит на пепельной поляне
В Саласпилсе Мать, как Память Ожиданью
И в гранитном, вечно ждущем теле
Бьется Матери живое сердце.

ЧЕРНИГОВ

Белый вспомнил я рушник
С вышивкой былинной —
И Чернигов тут возник
В песне тополиной.

Распростерла ширь весна
В молодом убранстве,
В гости город и Десна
Кликнули по-братски.

— Приезжай,—колокола
Загудели мигом...
И дорога привела
Вновь меня в Чернигов.

Дом, где Коцюбинский жил,
И Довженко хата,
Старый тополь и стрижи —
Встретили, как брата.

Рады гостю и в Песках,
Где каштаны чинно
Шепчут — слышится строка—
Мне стихи Тычины,

И в Черниговских лесах,
Древних несказанно,
Где я слышу голоса
Песен партизанских...

С другом — об руку рука —
Радостно и дружно
Здесь мы пьем из родника
Неизбывной дружбы.

И пока удар в удар
Стук идет сердечный,
Не иссякнет никогда
Тот родник — он вечный!

...Лишь украинский рушник
Разверну я длинный —
Сердцем слышу в тот же миг
Зов Руси былинной.

ПОЕТ РЕПЬЯХ

Украинская, гей, земля!
Синеокая, гей, Десна!
Расстоянья не умалят
Той весны, что теперь во снах.

От садов — все белым-бело.
В небе синь, тишина вокруг.
Песнь становится на крыло,
Раздается: «Вэсь, вэсь, кукук».

То черниговский мой собрат,
То Репьях у Десны поет.
Я люблюсь, по-братски рад,
Как уходит песня в полет.

Не прибавлю тут ничего
По-чувашски поет поэт.
Серебристый тенор его
Слышен, чудится, на весь свет.

Слышат вишни его в садах
И каштаны слышат окрест:
«Эта песня дошла сюда
Из каких отдаленных мест?»

Так волнует ее мотив,
Хоть слова не совсем ясны.
Значит, все-таки выжил, жив,
Тот подснежник, вестник весны?

Голос ласков, силен и смел —
Улетает в ночь до утра!
Эту песню здесь Сеспель пел,
Вспоминая родимый край».

Ветерок удивленный стих,
В песне мир растворился вдруг.
И летит в тишине, летит
Молодое: «Вэсь, вэсь, кукук».

Очень многие здесь в гостях,
Из различных краев народ.
По-чувашски поет Репьях,
Песню Сеспеля он поет.

Украинский мой добрый друг
По-чувашски поет для всех.
Все тесней нашей дружбы круг,
Все прекрасней песни успех.

Вот она, как весной вода,
Покатилась ручьями с гор...
Это б Сеспелю увидеть
И послушать бы этот хор.

АВГУСТ

Федору Уяру

Да, по-своему август красив.
Дышит утро теплом и добром.
По-над Волгой, траву оросив,
Отливает туман серебром.

Небо синее так высоко,
Так старательно вымыта даль,
Что, прищурясь, увидеть легко
В мире ясном любую деталь.

Крикни — голос в тиши поплывет
За песчаную отмель-косу
И, за гладью разбуженных вод,
Там, в грибном отзовется лесу.

Хлебный запах доносят поля,
Запах яблок медовых — сады.
Щедро в августе дарит земля
Все свои золотые плоды.

А ночами в густой тишине —
Звездопад, звездопад до утра.
...Август — буйного лета венец,
Праздник красок, тепла и добра.

ЗЛОЕ СЛОВО

Баллада

В больничной палате бело,
Но холодом веет тепло.

Болезнь тут ломает и гнет,
Смертельно тяжел ее гнет.

Нас трое: тщедушный старик,
Мужик, не прямой на язык,

Да я, на десятом году
Упавший, как в омут, в беду.

Лежим — время мимо течет.
Неделям теряется счет.

Час кажется пасмурным днем.
Лишь вьюга скулит за окном.

— Так где ж ты,—взываем,—весна!
И вдруг заявила она:

Пустила в прорыв между туч
К нам ласковый солнечный луч.

— Живем!— оживился старик,
К лучу золотому приник,

Да так, будто вовсе не стар,
Что даже с подушки привстал.

В глазах просветленных его
Надежда зажгла торжество.

— Живем,— сам себе говорит,—
Раз солнце нам радость дарит...

Но тот злополучный мужик
Вовсю развязал свой язык,

Махнул, ухмыляясь, рукой:
— Какой ты жилец? Никакой!

Я смерти еще не видал,
Хоть дух ее рядом витал,

И вскрикнул в испуге, когда
Живая потухла звезда.

Дед рухнул — и стало темно.
...Давно это было. Давно.

Но в сердце разящим свинцом
То злое застряло словцо.

КОНЬ И ТРУБАЧ

Сто солдат
К ряду ряд —
Тысячи!
Пыль столбом —
В небо лбом
Тычется.

«Эй, вперед!
Все вперед —
Лавою!»
Зов судьбы,
Клич трубы —
Славою!

Так скачи
И стучи,
Конь ты мой!
Мы с тобой
Двинем в бой
Конников.

Жизнь одна,
Цель одна!
С посвистом —
Через дым
Полетим
По свету!

Жизнь одна,
Смерть одна,
Враг один!
Ничего —
Мы его
Победим!

Так лети
По пути
Ясному!
Знамя шлет
Нас вперед
Красное!

Ты скачи,
Ты стучи —
Я с тобой!
Упадешь —
Ну так что ж,
Бой есть бой!

Мы дрались,
Как могли,
До конца.
И умрем —
Так вдвоем,
Два бойца!

Знай, одно
Нам дано
Днесь иль впредь:
В свой черед
За народ
Умереть.

...Сто солдат
К ряду ряд —
Тысячи!
Пыль столбом
В небо лбом
Тычется.

Что с тобой,
Что с трубой,
Эй, трубач!

А в ответ
На весь свет —
Кони вскачь!

Он лежит
У межи —
Выше слов.
На траве-
Мураве
Стынет кровь.

«Ах ты, друг,
Верный друг,
Конь ты мой!
Вышел скор
Разговор
Наш с тобой.

Нам бы жить
Да трубить,
Да скакать.
А пришлось,
Как назло,
Помирать...

Но гляди —
Впереди
Там заря!
Знать, дрались,
Как могли,
Мы не зря.

Зов судьбы,
Клич трубы —
Марш вперед!
Звали в бой
Мы с тобой
За народ!

И одно
Нам дано
Днесь иль впредь:
В свой черед
За народ
Умереть!»

ХЛЕБ

Поэма

«Нет ничего ценнее хлеба».

I (Чувашская пословица).

Гуляет ковыль молодой,
Порхает над Сеспелем птаха...
Из Крыма с холщовой сумой
Идет вдоль Днепра он по шляху.

Но росный и теплый рассвет
Не радует сердце больное.
Не думать не может поэт
О тощей суме за спиною.

В Чувашии вновь недород.
Поблекли и нивы, и небо...
Вконец истощенный народ
Не должен остаться без хлеба.

И Волга, и Днепр — широки!
Сухие лишь комья под плугом...
Как сестры две эти реки,
Он верил, помогут друг другу.

И Сеспеля братья поймут,
Напоят забористым квасом,
И хлеб на возы понесут,
И выручат братья по классу.

Уснуло голодным дитя,
Но зреет в нем горькая смута...
Богач никому ни ломтя
Не даст в горевую минуту.

Чтоб цену ржаного познать,
Попробуй, как Сеспель, к обеду,
Смирняя свой голод, отдать
Последнюю корку соседу.

Отдать, чтоб потом самому
Последней тропой кремнистой
Уйти в бесконечную тьму
С душою и светлой, и чистой.

Ты выполнил долг, как солдат!
По старой народной примете
Ты верил, встречая закат,
Что зерна взойдут на рассвете.

...За возом — нагруженный воз.
Зерно — золотистее меда.
Твой верный товарищ довез
Ржаной для родного народа.

В достатке мы нынче живем —
За слово свое отвечаю!
Поэму о хлебе ржаном
Я, Сеспель, тебе посвящаю.

II

О хлебе думал я не раз
Холодную зимой и летом...
И своего отца рассказ
Невольно вспоминал при этом.

На фронт ушел он рядовым.
Был снайпером. «Работал чисто...»
Искала смерть его... Над ним
Осколков пронеслись мониста.

Когда очнулся, понял он:
Сидит наводчик где-то рядом.
Услышал враг на поле стон
И полоснул железным градом...

И первый взвод богатырей
Разгоряченных, нараспашку,
Под канонаду батарей
Уснул навеки средь ромашек.

И злоба лютая отца
Нередко нынче разжигает:
Во сне он видит подлеца,
Который мертвых обирает...

То был предатель, дезертир,
Откормленный, в костюме штатском,
Как новоявленный вампир,
Пил спирт из фляги он солдатской...

Взошла лишь полная луна,
Рука легла на клык затвора.
И раскололась тишина,
И уложил он мародера.

Отец мой жив. Отец за мир!
Но злоба в нем не затухает,
Лишь вспомнит он, как дезертир
Паек солдатский уминает...

И повторяет мой отец
Незабываемые строчки:
Лишь Сеспель мог, как мудрый жрец,
Отдать последнюю сорочку.

Отцу приятнее вдвойне,
Когда друзья о пышном хлебе
Заговорят, о трудодне,
О чистом и высоком небе.

III

Который час и год, и век —
Стоит жара иль ветер дует —
Не спит спокойно Человек,
Над малым зернышком колдуя.

Весомей стало чтоб оно,
Как говорят у нас в народе,
Чтоб залотистое зерно
Всходило при любой погоде.

Чтоб на суглинке за селом
Звенел под солнцем тучный колос,
Чтобы везде, в краю любом,
Был слышен только мирный голос.

Чтоб возле нашего двора
Ни желчных не было, ни злобных.
Природа-мать! Давно пора
Рожать лишь Сеспелю подобных.

Готов поэт и звездочет
«Воспитывать своих Ньютонов...»
Война! Как горек твой подсчет:
Погибло двадцать миллионов.

В сердцах их был душистый хлеб...
За землю умер Че Гевара,
Пытался он свободы герб
Поднять над заревом пожаров.

Хотел Альенде, чтоб народ
Жил красивее год от года.
Спешил он к солнцу — мудр и горд,
И за святую пал свободу.

Встречая солнцеликий Май,
За Родину мы шли в атаку.
Как хочешь, так и понимай
Поступок свой, когда собаке

Бросаешь хлеб... Печать куска
На фронтовых я вижу ранах...
В глазах голодная тоска
Встречается во многих странах.

Подумай, вспомни: за кого
Альенде пал и Че Гевара?
Народа ради своего,
Чтоб сирым — молодым и старым

Дать хлеб! Чтоб никогда рабом
Скуластый пахарь больше не был —
Земля уперлась в небо лбом
И просит праведного хлеба.

Просил и Сеспель... На плетень
Смотрел, но к солнцу видел стежки...
В голодный — самый трудный день
Он для себя не взял ни крошки.

IV

Румяный, пышный каравай
Лежит, как солнце на ладони.
Как хочешь так и понимай
Погоду, если нету брони

На добрый день и даже час,
Когда созреть должна пшеница.
Давно шипит уж в дежке квас,
Не посветлели только лица...

...К селу родному налегке
Я шел, красивый и веселый
С ромашкою на пиджаке,
Как будто в гости к новоселам.

Но радость ласточкой с лица
Слетела вмиг. Передо мною
Курилась желтая пыльца
И желтый лес стоял стеною.

Чернела даль. Чернел большак.
Померкли травы и колосья.
И только ветер, как чужак,
Без усталости куда-то несся.

Когда же дождь? Жара, жара...
Одни и те же разговоры.
«Лихая, брат, пришла пора,
Хоть к богу обращаться впору...»

Переживал и горевал.
Селу помочь бы мне родному!
Но как! Никто еще не знал,
Что к председательскому дому

Пришли цистерны. И потом —
Мы в этом убедились сами —
Вода холодным серебром
С утра искрилась над полями.
И над картошкой и бахчой
В фонтанах радуга сияла.
И друга верного плечо
В тот час, казалось, шире стало.

Крестьянин землю врачевал,
Коль выпала такая доля,—
Он и дневал, и ночевал,
Как почерневший Сеспель, в поле.

И в добрый час, и в добрый рост
Пошли и травы, и пшеница,
И предложил сосед мой тост
За удалую косовицу.

Мы нынче в поле не одни —
Рабочий класс стоит за нами.
Прошли те горестные дни,
Когда мы были батраками...

Стоит за нами вся страна.
Над током — раздвижная крыша.
Крутые ворохи зерна
Растут уверенней и выше.

Румяный, пышный каравай
Лежит на красном полотенце.

О жизни спросят, отвечай:
«Ильич всегда в крестьянском сердце!»

V

Пускай последний ты шайтан
И под каким бы небом не был,
Не выполняя даже план —
Ты все равно попросишь хлеба...

На Землю глядя с высоты,
Иль поклоняясь киремети,
Уронишь если крошку ты —
Ее твои поднимут дети.

Мы знаем, что жива душа
Не хлебом лишь одним насущным.
Был сущий ад для чуваша,
Когда не знал он о грядущем...

Красавец был ты иль урод,
Жил ты степенно иль беспечно —
О хлебе песни пел народ
И будет петь их бесконечно.

Не знаю — как я буду жить!?
Но попытаюсь жить я чисто.
Мне песню хоть одну б сложить
О нашем хлебе золотистом.

Чтоб космонавт и сталевар,
Пастух, который нынче — личность! —
Запомнили и мал, и стар
Ее слова и мелодичность.

Когда однажды, в унисон
Споют ее легко и зычно,
Тогда я буду убежден,
Что ел не зря ломоть пшеничный.

Гора свалиться может с плеч,
Когда повсюду мир наступит...
Чтоб СЛОВО было, словно меч,
И не бывало словом в ступе...

Лежит румяный на столе,
Чтоб всем по ломтику досталось.
Войны не будет на Земле —
Доволен СЛОВОМ я останусь!

Могу пахать, могу косить,
Засеять, словно Сеспель, пашню.
Но вряд ли я могу забыть
Войну, как черный день вчерашний..

VI

И Хлеб, и Мир — два слова рядом,
Они идут от Октября.
Вновь кто-то хочет, чтоб снарядом
Была разорвана заря...

Мы рады все за Андрияна —
Осуществил свои мечты!
Смотрел на нас со всех экранов,
Как сокол с грозной высоты.

И вот пред нами он — веселый,
Хоть к звездам нелегки пути.
Казалось, съехались все села
Калач ему преподнести.

Во всем был прост земляк столичный,
Стал строже, глядя на кумач.
Он взял не просто хлеб пшеничный—
А щедрой Родины калач!

И если вновь все выше в небо
Герой уйдет за облака,
Без корочки родного хлеба
Не улетит наверняка.

Чтоб всюду был с ним хлеб домашний,
Не забывались имена —
Возьмет он Сеспелеву «Пашню...»
И притяжение зерна!

СОКОЛ

Поэма

1. УТЕС

Эй, мальчик! Что ты можешь совершить?
Какая сила в мускулах твоих?..
Находит детство крутизну вершин
И дерзость свою пробует на них.

От волжской быстротечной синевы
Встает утес почти под небеса.
Слетает даже кепка с головы,
Когда к вершине устремишь глаза.

Не всякий может на утес взойти.
Лишь смелым крутизна отдаст тропу.
Там, наверху,— днем солнышко гостит,
А ночью отдыхает Млечный путь.

Взошедший же, пот отерев с лица,
С той, самой первой в жизни, вышины
Увидит без начала и конца
Родной простор простершейся страны.

...Стоит у края мальчик. Черноглаз.
Черноволос. Рубаха вся в поту.
Улыбка на лице. Здесь он сейчас
Взял первую на свете высоту.

Теперь с ним рядом соколы плывут.
И солнце стало ближе и ясней.
И небо распахнуло синеву,
Зовя навеки породниться с ней.

Роятся сотни мыслей у виска.
Эй, милая земля! Где твой исход?
Где твой исток, о матушка-река?
Кто там заводит звездный хоровод?

Эй, туча грозовая, расскажи,
Где молния гремучая живет?..
Бесстрашно сердце детское спешит
В неведомое, в новое, вперед.

Эй, соколы! Мне б ваши два крыла,
Чтоб посмотреть на землю с высоты!
В глазах мальчишки искорка зажглась
От солнца пламенеющей мечты.

Наотмашь хлещет ветер по щекам.
А он стоит, как будто в землю врос.
Да, сила есть в душе у паренька,
Коль смог подняться на крутой утес.

Еще покажет жизнь ему сполна
И радостей — цветы, и бед — бурьян.
Уже вскипает страшная война...
Крепись, будь неотступен, Андриян!

2. ОГОНЬ И ЦВЕТОК

Метель метет, летит,
Злой ветер валит с ног.
Нет больше сил идти,
А путь еще далек.

И не вернуть назад —
Все снегом занесло.
Затерян Марпосад.
Не близко и село.

Под ложечкой сосет —
Картошки больше нет.
Метель летит, метет.
Не виден белый свет.

Крепись же, Андриян!
Куда страшней война.
Как грозный океан,
Свирепствует она.

Теперь, из-за врага,
Насколько хватит сил,
Тебе метать стога,
Со взрослыми косить,

Вершить в полях страду,
Растить колхозный скот,
Не раз терпеть нужду,
Чтоб был накормлен фронт.

В тринадцать лет к тому ж,
Чтобы достичь мечты
И знанья дать уму,
Учиться должен ты.

Не легок для мальчика
Такой работы гнет.
Да дома вон отца
Болезнь к постели гнет.

С полей войны — не счесть —
Одна черней другой
Идет за вестью весть.
Гремит с фашистом бой.

...Метелью ветер пьян.
Вокруг — белым-бело.
Шагает Андриян
В родимое село.

Свистит, гудит буран,
Снег шлет из темноты.
Возник вдруг брат Иван.
— Иван?! Откуда ты?

— Иду тебя встречать,—
Послышался ответ.—
Меня послала мать...
Отец... Отца уж нет...

Так оборвался счет
Дням детства навсегда.
А жизнь течет, течет,
Как в Цивиле вода.

...Век не забудешь ты,
Как разлила весна
Победные цветы —
И кончилась война!

Ты тех цветов букет
Собрал и в дом принес:
— Войны на свете нет!
Не надо, мама, слез!

3. «БУДЬ ЧЕЛОВЕКОМ!»

Был сосед Герасим стар и сед.
Сторонился разговоров дед.
Если и обмолвится словцом,
То и то, бывало, лишь со псом.

Но однажды деда прорвало.
Встретил Андрияна, что в село
Возвратился, и сказал:
— Нигде
Нет хороших на земле людей!

Не с того ли тихий ты такой
Издали вернулся в край родной?
Нет уж, как меня ты не суди,
А добра — ни от кого не жди...

— Ты не прав, Герасим асатте.
Времена у нас теперь не те.
Вот пришел я в техникум лесной —
И добры там были все со мной.

Выехал в Карелию потом —
И опять же встретился с добром.
В армию пойду — там все друзья,
Как большая, добрая семья.

Нет, не беден мир на добряков—
На родных, друзей и земляков...
Только, чтобы добрых увидеть —
Самому-то надо добрым стать!

4. НЕБО ЗОВЕТ

Видать, судьбой назначено летать!
Нежданно в авиацию призвали.
Приблизилась давнишняя мечта.
Теперь уж он отступится едва ли.

Кого же не манила синь небес?
Кто в тайных мыслях не родился с нею?
Всегда тянуло Андрияна в лес.
Но тяга к небу все ж была сильнее.

Что там, за облаками, выше снов?—
Ум дерзкий вопрошал от века к веку.
Увидеть бы! Сказал же Иванов*:
«Нет никого сильнее человека!»

...И вот он служит. Он — стрелок-радист.
Летает — и душа полна полетом.
А про себя настойчиво твердит:
«Я буду обязательно пилотом».

За словом — дело. В долгожданный миг,
По графику учебного налета,
Он сам взлетел. И распахнулся мир
Перед его курсантским самолетом...

* Классик чувашской литературы.

5. ПОДАРОК

Как стрела, в вышину напрямик
Рвет пространство неистовый «МИГ»,
А за ним, неотступней, чем гром,—
Реактивный раскат — напролом.

Под крылами — полей витражи.
Там кипит хлебосольная жизнь.
Тыщи судеб сложились в одну —
В заревую, родную страну.

Много дней Андриян налетал.
В синем небе он страха не знал,
Точно птица... И вдруг занемог
Серебристый его ястребок.

Что случилось? Турбина молчит.
Слышно только, как сердце стучит:
Запустить! Запустить! Запустить!
А-навстречу земля уж летит.

«Прыгай!» — требует снизу РП*.
«Прыгать? Надо еще потерпеть,—
Руки дело привычно творят.—
Не бросать же в беде «Мигаря».

«Прыгай!» — снизу команда опять.
«Нет, машину я буду спасать!
Я же — летчик! Спокойно, друзья!
Что-нибудь да придумаю я...

Вот он, шанс на спасенье! Пролет
Меж оврагами ровный пролет.

* Руководитель полетов.

Я сейчас дотяну за межу
И туда самолет посажу...»

Дотянул — пропахал, пропылил,
И над самым обрывом застыл...
Да, порою от смертной черты
Отделяет лишь метр пустоты...

...Полк построен. Стоит посреди
Андрян. Рядом с ним — командир.
Золотые часы за полет
Получает отважный пилот.

6. В МОСКВУ

Все быстрее, все смелей
И все выше летать!
Роковые барьеры
С дороги сметая!
Это давняя наша
Земная мечта,
Это светлая наша
Надежда земная.

Жизнь — движение вперед.
И двадцатый наш век
Не случайно космическим
Нынче зовется.
Помудрел в дерзновенной
Мечте человек:
Вот творенье его —
Звездный спутник несется.

В дальний путь, человек!
Слышишь, звезды зовут?

Час настал возвестить
Небывалое слово!
И крылатых парней
Собирает в Москву
Волевая, земная
Рука Королева.

Будет день тот счастливый
На вечном счету.
Как пытливые взгляды
Надеждой пылали!
Вот он, первый отряд —
Штурмовать высоту!
Самый первый:
Гагарин, Титов, Николаев...

7. ПРОСТО ЛИ СТАТЬ КОСМОНАВТОМ?

Стать космонавтом нелегко.
Вжимает в кресло центрифуга.
Не пошутить на шутку друга,
Не шевельнуть порой рукой.

А барокамеру возьми!
Гнетут давленья перепады.
Но что поделать, если надо
Идти сквозь это в звездный мир

Чтоб случай в небе превозмочь
И обойти его уловки,
Нужны наземные уроки
И тренировки день и ночь.

Не просто космонавтом стать.
Железная здесь ждет работа
И ум, и тело. Пахнет потом
Космическая высота.

И только тот, кто все пройдет,
Не нарушая звездных правил,
Получит, как награду, право
Свершить космический полет.

8. КАК КРАСИВА ЗЕМЛЯ

Поет, бурлит страна. Ликует мир,
За вековечный подвиг благодарен.
Летает первый звездный командир —
Советский гражданин — майор Гагарин!

В наш реактивный, в наш крылатый век,
Который нам открыл великий Ленин,
Взошел к высоким звездам человек
По памятным ступеням поколений.

И вот летит он, дюзы опала
На схлестке с притяженьем не напрасно,
Чтобы увидеть, как мала Земля,
И как она, родимая, прекрасна...

Так путь открыт... Затем Титов берет
Ракетным штурмом неземную гору.
«Я верю, скоро час и твой придет»,—
Он перед стартом говорит дублеру.

И час настал. И снова — Байконур.
Счастливый август зажигает утро.
Нацелена в седую вышину
На стапеле стоит ракета мудро.

Слова команды — пламени струя
Рвет притяженьем молодо и рьяно.
«Спасибо за доверие, друзья!»—
Доносит небо голос Андрияна.

А через сутки в дальний путь второй
Герой корабль космический направил.
И расступился звезд бессмертный рой.
И поравнялся с Андрияном Павел.

Как на земле когда-то над Десной
Друзья шагали — Сеспель и Пакрышень,—
Так Николаев синью неземной
С Поповичем пошли по зыбкой крыше.

А там внизу — Украина в цвету!
Взошло цветенье над чувашским краем!
То мы, народ, заветную мечту
В цветущую реальность претворяем.

Нас радует космический пример,
Где два орла, два молодых партийца,
Подняли честь страны СССР
Так высоко, как и не снилось птицам.

9. МЕЧТА—ВСЕГДА КРЫЛАТА

Как в журавлином
Клине вожаки,
Сменяются в ракетах
Командиры.
Космические вахты
Не легки.
Но есть ли легкий путь
К познанию мира?

Да, тяжела дорога
К тайнам звезд.
И хоть мечта —
Она всегда крылата,
Нужна отвага,

Чтоб построить мост
В седую высь,
И мир понять когда-то...

И вот на Андрияна я гляжу,
Был дважды звездным гостем
Смелый сокол,
И, подойдя
К земному рубежу,
Землею любовался
Издалека.

Я говорю бесстрашному ему,
С почтением
Земного поклоненья:
«Ты нас позвал
В космическую тьму,
И стал для нас
Примером окрыленья.

Ты видел цель
Высокую свою
В бездонном небе.
Мы — земные люди.
Но будь спокоен,
Здесь, в родном краю,
Мы окрыленно жить
И мыслить будем.

Заводы возведем,
Хлеба взрастим,
Научим Волгу,
Как вращать турбины.
И славою земной
Обогатим
Мы славу
Нашей Родины любимой».

ИЩЕМ ВОДУ

Роем ямы, воду ищем.
Надоело. Жжет жарыще.
Только, кажется, — копни тут —
Родники вокруг возникнут.

Но воды все нету, нету.
К черту все, не рады свету!
Нет, поищем! Делать наспех
Полработы — людям насмех.

Боль в спине и под ключицей.
Где ж ты, светлая водица?
Вот он, ключ! Счастливым даром
Под лопатами ударил.

Воду ищем. Роем ямы.
И находим. Мы упрямы.
Пейте, люди! Выпей каждый,
Утоли в июле жажду!

...Коль понравится водица —
Значит, стоило трудиться.

ДРУЗЬЯМ-ПОЭТАМ

Друзья, не надо ссориться напрасно,
Для честной песни в мире есть простор.
Как рой пчелиный, мирно и согласно
Давайте петь — да будет славен хор!

Не надо зла и лести, ради бога!
Пусть чист и ясен остается слог.

У каждого из нас — своя дорога,
И каждый сам себе и раб и бог!

Так пусть, когда нагрянет вдохновенье
И сердце раскалится добела,
Даст дружба нам высокое терпенье —
Звать молодость на добрые дела!

Да будет с нами братское участие!
Меж красотой и руганью — межа.
А песни, нами спетые, отчасти
Уже не только нам принадлежат.

СОН И ЯВЬ

Мне конь приснился. Белый и чудесный.
Я взял за гриву — грива, что ковыль!
И поднялись мы с ним над миром тесным —
Лишь облака за нами, словно пыль.

Жар-птицей устремились — не вернуться! —
Вслед за мечтой в такой высокий край,
Что руки вскинь — и можно дотянуться
Легко до солнца, только пожелай.

Счастливый сон. Но явью стал он утром:
В реку земную ловко заманя,
Соседакий мальчик ласково и мудро
С конем тем управлялся за меня.

Он мыл его, поил, по холке гладил,
Потом вскочил на спину — и айда!
Жар-птицей улетел, на солнце глядя...
А я вздохнул им вслед: куда, куда?

Глянул я — по водной глади
Рябь мальками закипела.
Счастья ради, жизни ради
Соловьями даль запела.

Автострада не мешала.
Все шло так, как шло отвеку.
Как и прежде доверяла
Мать-природа человеку.

Я стоял под звонкой высю,
В радости сердечной чуток.
Вдруг ударил гулкий выстрел —
И упала пара уток.

Рыба вмиг куда-то делась.
Соловьев как ветром сдуло.
Что ж, охотник, ты наделал
В жадности своей бездумной?

Онемела вся округа!
Только гром свинца и стали
Эхом тягостным упруго
Рвет и рвет немые дали.

ЖУРАВЛИ ПРОЛЕТЕЛИ

Сыну Сереже

По следу вечных троп
Весна вернулась с миром.
Но что ж родную топь
Клин журавлиный минул?

То ли с крутых высот
Не разглядел он вехи,
То ль от родных болот
Отринулся навеки?

Постойте, журавли,
В пути своем высоко!
Без вас среди земли
Мне будет одиноко.

Без ваших песен, без
Чудесных ваших плясок —
Лишится мир чудес,
А детство — добрых сказок.

Я с детства затвердил:
Песнь мне от вас досталась,
И круговерть светил —
Есть ваш бессмертный танец.

Неужто с этих пор,
Взгляд оторвав от поля,
Счастливых ваших пар
Мне не увидеть боле?

И в синеве высот,
И над родным болотом —
Был дивный ваш полет
Души моей полетом.

...По следу вечных троп
Весна вернулась с миром.
Но что ж родную топь
Клин журавлиный минул?

Не понимаю, нет,
Высокой этой тайны.
Смотрю один вослед
Непостижимой стае.

* * *

Повелось так от веку,
Что для счастья человеку
Нужно встретиться с мечтой:
Без мечты мы кто? Никто!

Знаю сам и вам открою:
Дружба так нужна порою,
Как зимой в мороз пальто.
Мы без дружбы кто? Никто!

А еще, скажу по-чести,
Песня нам нужна, чтоб вместе
Можно было сесть за стол...
Кто без песни мы? Никто!

* * *

Сумерек последней вехой
Белый конь во тьму плывет,
День запрятался под стрехой,
Звезды вышли в хоровод.

Лужи от недавних ливней
Отражают мир светло.
С каждым шагом все счастливей
Я вхожу в свое село.

Возвращаюсь издалека
Через длинные года.
Но куда не глянет око —
Все родное навсегда.

Исцелит, уничтожит ли,
Но только
От человека зависит,
Как поступит оно...

* * *

Дождь — и солнце в отвес!
Дождь — и солнце в отвес!
Дождь и солнце
С распахнутых настужь небес.
Дождь сквозь солнечный свет —
На глухие снега.
Этот солнечный дождь —
Как березовый лес,
Молодой, мелодичный
Березовый лес,
Сплотивший
Небес и земли берега!
А к вечеру —
Бани бревенчатой жар,
Деревню окутал,
Как облако, пар...
Мы нынче друг друга
Едва узнаем:
Глаза разгорелись
Весенним огнем!
Ах, снег ты, снежок —
Задержись на часок!..
Нет, не смог полежать —
Побежал ручеек...
То ли солнечный свет
Твою плоть растопил —
То ли наш молодой,
Необузданный пыл!

ЭТЮД

Из-за Волги, где по-лисьи желтый
Распростерся в беспределье лес,
Ветер, долетев от горизонта,
Осенил меня на стройке ГЭС.

Смена шла — работа не балует!
Но увидел я на миг, что кран,
Приподнявшись, солнце поцелует
И положит поцелуй в проран.

Стало тут легко мне, как от чуда:
Крановщик оставил в небе след!
...С той поры я знаю, как, откуда
В лампочках берется яркий свет.

ЭТОТ ГОД

Не знаю, помнит кто тот день и час,
Когда испортилась погода,
Когда по крышам дождик застучал,
Отметив лету миг ухода.

С какой последней песенкой оно
Ушло в заоблачные дали?
Я слышал, чибис плакал под луной,
И жаворонки в синь рыдали...

Вдруг гром ударил. Песнь оборвалась.
И сразу небо прослезилось.
То проступила вековая связь,
Открылась времени немилость.

На что же мы надеемся и ждем
Чего от счастья на исходе?
Уходит лето под косым дождем.
С ним наша молодость уходит.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Неугомонна и вольна,
Прошу тебя, уймись волна.
В тени калиновых ветвей —
Замолкни, звонкий соловей.

Прильни, пчела, к устам цветка,
Замрите, крылья мотылька.
И ты, светило, с вышины
Не опали сей тишины.

Судьба, свой шаг останови
На грани счастья и любви.
Чтоб, радость в сердце затая,
Уснула доченька моя...

ПРОЛОГ

Это время является раз в году,
Высоко мою душу возносит,
И на черном, шлифованном выюгами льду
Намечает весеннюю просинь.

Оседают под солнцем седые снега,
Запевают веснянку капли...
Не успели ручьи дотянуться в луга —
Глядь, грачиные кружат артели.

В первых лужицах синих играет волной
Ветерок, на веселие падкий.
Оборвалась сосулька. И в чаще лесной
Вдруг слышался зов куропатки.

Это только пролог. Все еще впереди!
Это только начало рожденья.
Это только пролог, но как сладко в груди
И как радостно то наслажденье.

* * *

Целый месяц — ни единой строчки.
Целый месяц — все одни отсрочки.
Ну, а строчки были, были, были.
Только позвенели — да забылись.
Улетели, растворились где-то...
Не скажу, чтоб я жалел об этом.
Но предстала муза
Пред глазами —
Не узнал.
Чужою показалась.

* * *

Подари мне, любимая, сына.
Доброй матерью стань ему.
Пробудилась в руках моих сила,
Не дает покоя уму.
Подари же мне сына — опору
И надежду сильным рукам!
Подари, как весеннюю пору
Дарит солнце синим лугам.

ХОРОВОДНАЯ

Я песню начинаю в хороводе,
Не называйте дерзкою меня.

Из народной песни.

Песня кружит у реки
Выше, чем полет стрижа.
И слова в ней так легки,
Что во рту не удержать.
Бисер слов, как бисер рос,
Осыпается на луг.
Свет прекрасный дальних звезд
Подарил мне милый друг.
Ну, а я ему в ответ
Ниткой алой, как заря,
Вышью звездами кисет —
Отдарю, благодаря.
Песня кружит у реки.
Растревожилась душа.
В этой песне родники
Бьют из сердца чуваша.
Мусор зла и накипь бед
Прочь уносят родники.
Ты испей из них, поэт,
Чистоту своей строки.

ЧЕТВЕРОСТИШЬЯ

Не разлей-вода мы были. Вдруг
Друг исчез. Сказали: недосуг.
Службой нынче вписан он в скрижаль.
Я за друга рад, но друга — жаль.

* * *

Как-то я попал в богатый дом.
Хвастался хозяин за вином.
Я, на фикус глядя, думал: вот —
Зеленеет все, да не цветет.

* * *

Ты сказал: «Коль друг — все пополам!»
Я ответил: «Режь, я все отдам».
Резал ты умеючи вполне —
Половинки лишь остались мне.

* * *

Прочитал в рецензии поэт:
«Не звенят стихи пока что, нет».
Захотелось с горечи сказать:
— Бубенцы к ним, что ли, подвязать?

* * *

Не пойму приятеля никак —
Крепко обнимает здоровяк!
Но с чего вдруг? То ли от души,
То ли метит, как бы задушить?

ОСЕННИЕ ЦВЕТЫ

Еще свет костра не смела зола,
А уже в саду пробудилась мгла.
Крылья синие распростерла тень,
Наложила их на весенний день.

Что ж, пришла нора... Поднеся ж ладонь,
Я почувствовал: не остыл огонь!
И подумалось в тишине светло:
И у осени есть свое тепло.

Напоенные влагой летних дней,
Прокаленные до самих корней
Ясной памятью всех минувших лет —
Вот зажгли цветы свой осенний цвет.

Так пылай, костер, искры в высь меча,
Ясным пламенем у меня в очах!
Кто осмелится нас винить с тобой,
Что в осенний час — все горит любовь?

* * *

Когда неожиданно, без огласок,
Осыпались осенние цветы,
То, продолженьем буйных красок,
Явилась ты.

Когда заученно в природе
Смолк звонкий листопада хоровод,
То продолженьем тех мелодий
Стал твой приход.

Благодарю, что угадала
Тоскующий зов сердца моего.
Присядь со мной... Но ты опять пропала—
И никого!

И все ж, за то, что приходила,
Чтоб встреч грядущих возвестить зарю,
Тебя я всей сердечной силой
Благодарю!

* * *

Холодным пламенем цветы
Горят в саду. Там смех счастливый,
Там час свиданья торопливый,
Знакомый смех... Неужто — ты?

В крови встревоженная ночь
Звенит догадкой туманной.
Но в этой путанице странной —
Никто не может мне помочь.

Я сам... Полжизни мы с тобой
Прошли — и все на свете было,
Так как же вдруг тебя забыла
Моя ревнивая любовь?

Нет, нет, тот смех совсем не твой!
К тому же, разуму известно:
Уж больно в наших узах тесно,
Чтоб мог войти туда иной.

* * *

Как будто годы задержались
У роковой черты —
Мне вдруг родными показались
Осенние цветы.

Прости, что не донес признанья
В любви я слов простых.
Сожгли их в огневом сияньи
Осенние цветы.

Я виноват, не отрицаю,
И виновата ты.

На сердце у тебя мерцают
Осенние цветы.

Так протяни ж навстречу руку,
Возьми огонь мечты.
Уже предчувствуют разлуку
Осенние цветы.

* * *

Красным золотом догорает
Поздний зной в огородах.
Это значит скоро сыграет
Свою свадьбу природа.

Золотую свадьбу. В литавры
День осенний ударит,
И земля по привычке старой
Мир плодами одарит.

Вот уже журавли ключами
Поднебесье открыли.
Что в том голосе, в той печали?
Промелькнувшие были?

Смутным золотом догорает
Поздний зной в огородах.
Грусть плывет над родимым краем.
В сердце грусть и свобода.

* * *

Не то я говорю. Прости, прости!
В душе — как будто дверь сорвали с петель.

Не вспоминай письмо мое и стих.
Что толку ворошить остывший пепел.

Не обнимай. Ушло тепло из губ.
Так холодно, так зябко дует ветер.
Дрожит листвою омертвелой дуб,
И дождь ее сбивает с черных веток.

* * *

По двадцать два нам было.
В росе легли следы.
А в Ильмове знобило
Цветением сады.

Нас ночь тогда невинно
Под звездами свела,
Свирелью соловьиной
Та ночь для нас была.

Волшебница, колдунья!
Что сделала она?
Сквозь песню молодую
Молчала тишина.

Нам было счастья мало —
Захватывало дух.
И жизнь рукоплескала
Соединенью душ.

Ах, тех благословений
Заветные слова!
...Нам с той поры весенней
Давно по двадцать два.

ПРОВОДИ, РОДНАЯ

Мир волшебной ночи
В отсветах костра.
Тучи уплывают —
Не понять куда.
Проводи, родная,
Мне домой пора,
Утренняя, видишь,
Глянула звезда.

Мир волшебной ночи
В отсветах костра.
Помолчи, не надо
Торопливых слов.
Коль сгорать — так лучше,
Чтобы не за раз,
А любить — так чтобы
Надолго любовь.

Мир волшебной ночи
В отсветах костра.
Проводи, родная,
Дальше от огня.
Пусть костер мне светит —
Светит до утра.
Твой рассветный профиль —
В сердце у меня.

ЭТОГО МНЕ ТОЛЬКО НЕ ХВАТАЛО

Я бросил все дела
И поспешил к тебе,
Решив, что ты меня
Уже и звать устала.

А ты не встретила:
Знать, не ждала в мольбе...
Мелькнуло: этого
Мне только не хватало.

Хоть птичку не нашел
В родном гнезде — ну что ж,
Подумалось в тиши,—
Мне и такого мало!
Уехать? Отступить
За здорово живешь?
Мелькнуло: этого
Мне только не хватало.

* * *

Просыпаясь, засыпая,
Лишь тебя я вспоминаю.
Сердце глупое терзаю,
То гоню, то призываю.

Что творишь со мною, память?
То ли петь мне, то ли плакать...
То в ознобе, то горю я,
Негодую и горюя.

Что творишь со мною, память?
Мне б лететь, а надо падать.
Ты, как солнца зной Икару,
Мне несешь земную кару.

Вот дрожит под зябким ветром
Лист единственный на ветке.
Может, ветер с ним подшутит,
Сбросит желтый парашютик?

Лист не падает. Как цепью,
Он прикован к ветке цепко.
Ну, доколь, доколь, доколь?—
Видно, вечна эта боль...

ЛОСЕНОК

У той деревни озеро одно —
Студеное, прозрачное сиянье!—
Сегодня мне напомнило оно
Про давнее, печальное свиданье...
Беспечность ослепила нас тогда:
В глухом лесу мы с милой затерялись.
Ни просеки, ни тропки, ни следа,—
Лишь птицы на ветвях перекликались.
Куда идти? На запад? На восток?
И вдруг сквозь дымку тоненьких сосенок
Прорвался непонятный голосок —
И нам навстречу выбежал лосенок.
Людей не испугавшийся ничуть,
Он так смотрел,— казалось, понимая,
Что нам найти необходимо путь,
Что нас беда преследует большая.
Лосенок снова звонко замычал —
В ответ раздался голос одинокий:
Малыш, наверно, мать свою искал —
И мы — втроем!—пошли на зов далекий.
И озеро блеснуло впереди,
И в нем деревня эта отразилась...
Теперь тоска стоит в моей груди —
Давно со мной любимая простилась.
Любимая! Тревожно без тебя...
Иду сквозь дымку тоненьких сосенок —
И кажется, что, ласково трубя,
Свиданье наше возвратит лосенок...

* * *

Плач сердца снова в голосе твоём...
Что взволновать могло его до дрожи?
Но телефон молчит... Я слышу в нём
Лишь писк, с рыданьем птицы сбитой схожий.
И медленно являются ко мне
Воспоминанья. Вижу по порядку:
Ты — в поле, ты — как колос на стерне,
Путь предстоит неблизкий и негладкий.
И голодно. И жарко — спасу нет.
Безмолвие кругом — терпи смиренно.
Отец уже покинул этот свет...
Год горестный, послевоенный.
Но надо жить! Три слова без конца
В основу жизни клали мы с тобою.
Они спасли усталые сердца.
Болезни спасовали пред мечтою.
И как подарок строгая судьба
Огромную любовь нам подарила.
И как у бурной речки берега,
Нас радугой она соединила.
...Но что сегодня в голосе твоём?
Что, милая, стряслось? Гудки «отбоя».
Еще вчера по жизни шли вдвоем.
По-волчьи ветер воеет за спиною.
«Спеши, дружок! Не растеряй мечты!»
С намеком, видно, сухонькой ладошкой
Красивая и стройная, как ты,
Березка постучала мне в окошко.

* * *

Бывало: пили, пели, улыбались.
Ласкались, звали сложное простым.
По поводу, без повода — ругались.

Друг другу — знали наперед — простим
Хвалили. Отрицали. Осуждали.
Старались отыскать один язык.
Когда молчали — вглядывались в дали
И слышали дыхание грозы.
Сегодня нет тебя. Ни зла. Ни ласки.
Ни ругани. Ни песен. Ни тревог.
Что жизнь? Слияли радужные краски
Обезголосел. Обескрылел. Одинок.

* * *

Зарницей летней ты явилась мне
И растворилась в теплой тишине.
Растаял в мире даже света след
И лишь душа запомнила тот свет.
И в огненных тенетах городов
Мечусь заблудшей птицей и кричу.
...Зарницу среди огненных домов
Мне не найти.
И все-таки — ищу.

* * *

Вся — дерзость, обаянье и мечта...
И я таким был. Но уже — вчера.
Тыходишь в мир. Мне уходить пора.
Ты — свет рассвета. Я — зола костра.
Бессонных дум глухие голоса
Во мне гудят, как осенью леса.
Но я бессмертье подарю тебе.
В рассветный час.
В предутренней строке.

МОЛНИЯ

Она в тяжелых тучах вызревала,
Таилась зверем в них, как от погонь,
Чтоб после над смятеньем перевала
Рвануть вдоль неба яростный огонь.
Она над морем, над громадой города,
Над плеском тяжелеющего хлеба
Жестоко и неукротимо гордо,
Как лезвием, распарывает небо.
Сгорала нитью белого накала
Так близко, будто вспыхнула в руке,
Сгорала нить и тут же пропадала,
Чтоб возродиться где-то вдалеке.
Так и любовь моя, как эта молния.
Ей нужен грохот и простор, чтоб жить.
А я хотел сдержатъ, укрыть в безмолвии.
А молнию, попробуй, удержи...

* * *

Может быть, мне снится это
После долгой суеты —
Над Ильмовом бабье лето,
Солнце позднее и ты.

Небо в синее одето.
А казалось, все в былом,
А казалось, нет просвета
В одиночестве моем.

Сумасшествие и смута
Вновь зовут меня, как впрямь,
Вслед за стаей диких уток
В небо взмыть и улететь.

И стою, не понимая,
Будто с первого листа
Начинается вторая
Жизнь — прозрачна и чиста.

КОРНИ

Мы — из земли, из воздуха и влаги.
Мы — из улыбки счастья и из боли.
Мы — из сердечных мук и из любви.
Мы — из порыва гнева и отваги.
Мы — из веков, растаявших, как снег.

Сок тех корней по нашим жилам бродит.
Во мне — тоска и боль, и слезы предка.
Во мне — любовь и смех, и радость предка
Во мне — он песнь извечную заводит.
Душа и сердце предка — все во мне!

Мир держится, как ведомо, корнями:
Пусть в сыне нашем жизнь моя продлится,
Пусть внуку нашему мой сон приснится —
Нерасторжимы связи между нами,
И злобный враг нас не осилит, нет!

ПРИЕЗЖАЙТЕ В ГОСТИ К НАМ

Мы на волжском берегу крутом
Как семья единая живем.
Край чувашский
Устремлен всегда вперед.
Славен доблестным трудом своим народ.
В светлый праздник, как к друзьям,
Приезжайте в гости к нам.

Зацвели луга, шумят леса.
Радует родных полей краса.
У окошек
Буйно яблони цветут.
Птицы юным песни о любви поют.
В светлый праздник, как к друзьям,
Приезжайте в гости к нам.

Города и села — на подбор,
Так и манят красотою взор.
Словно стая,
Словно стая лебедей,
Ждут желанных, дорогих они гостей.
В светлый праздник, как к друзьям,
Приезжайте в гости к нам.

Мы на волжском берегу крутом
Как семья единая живем.
Край чувашский
Устремлен всегда вперед.
Славен доблестным трудом своим народ.
В светлый праздник, как к друзьям,
Приезжайте в гости к нам.

* * *

Дмитрию Михлеву

Забываем о голоде, что ли?
Мы о хлебе не вспомнили вовсе.
А ведь шли мы тропой через поле,
И по лицам нас били колосья.

Мы о чем только не говорили,
Но о главном забыли, казалосьсь,—

Полный колос был или же хилый,
Будто нас то совсем не касалось.

До свиданья, село, до свиданья...

Только стоп!..

Что-то вздрогнуло сердце:

Показалось —

Грозит на прощанье

Наше, голод познавшее, детство.

ПРИЕЗЖАЕМ К НАМ
Мы на волжском берегу
Как семья единая живем
Край чудесный, мирный, чистый
Устремлен всеобщий взгляд
Славен добротой трудящихся
И светлым будущим
Приглашаем к нам гостей

СОДЕРЖАНИЕ

Это гордость Чувашии. Перевод <i>Н. Никишина</i>	3
«Давно, в тот первый день...» Перевод <i>В. Парыгина</i>	5
Ленин. Перевод <i>В. Овчарова</i>	—
Слава хлебному зерну. Перевод <i>Г. Паги- рева</i>	6
Богатырь. Перевод <i>В. Шишкина</i>	7
Пахарь. Перевод <i>В. Шишкина</i>	9
День Победы. Перевод <i>В. Овчарова</i>	10
Тридцать три. Перевод <i>В. Овчарова</i>	11
Река Медунца. Перевод <i>И. Смирнова</i>	12
«Тише! Тише! Тише!» Перевод <i>В. Овчарова</i>	13
С уходом дней. Перевод <i>В. Овчарова</i>	14
Высокая звезда. Перевод <i>В. Овчарова</i>	15
Живу у Волги. Перевод <i>В. Овчарова</i>	17
Делай добро. Перевод <i>В. Овчарова</i>	18
Я знаю. Перевод <i>В. Овчарова</i>	19
Как гранит, крепка. Перевод <i>А. Дмитриева</i>	—
«Мать ждала, а дочь не возвращалась...» Перевод <i>Д. Михлева</i>	21
Чернигов. Перевод <i>В. Овчарова</i>	—
Поет Репьях. Перевод <i>В. Овчарова</i>	23
Август. Перевод <i>В. Овчарова</i>	24
Злое слово. Перевод <i>В. Овчарова</i>	25
Конь и трубач. Перевод <i>В. Овчарова</i>	27

Хлеб. Перевод С. Суши	30
Сокол. Перевод В. Овчарова	39
Ищем воду. Перевод В. Овчарова	51
Друзьям-поэтам. Перевод В. Овчарова	—
Сон и явь. Перевод В. Овчарова	52
Открой секрет. Перевод В. Овчарова	53
Выстрел. Перевод В. Овчарова	—
Журавли пролетели. Перевод В. Овчарова	54
«Повелось так от веку...» Перевод В. Овчарова	56
«Сумерек последней вехой...» Перевод В. Овчарова	—
«В театре...» Перевод автора	57
«Ах, забвению каждый подвластен...» Перевод П. Никишина	—
«Дождь и солнце в отвес!» Перевод Н. Никишина	58
Этюд. Перевод В. Овчарова	59
Этот год. Перевод В. Овчарова	—
Колыбельная. Перевод В. Овчарова	60
Пролог. Перевод В. Овчарова	—
«Целый месяц — ни единой строчки...» Перевод В. Овчарова	61
«Подари мне, любимая, сына...» Перевод В. Овчарова	—
Хороводная. Перевод В. Шишкина	62
Четверостишья. Перевод В. Овчарова	—
Осенние цветы. Перевод В. Овчарова	63
«Красным золотом догорает...» Перевод В. Овчарова	66
«Не то я говорю...» Перевод В. Овчарова	—
«По двадцать два нам было...» Перевод В. Овчарова	67
Проводи, родная. Перевод В. Овчарова	68
Этого мне только не хватало. Перевод В. Овчарова	—

«Просыпаясь, засыпая...». Перевод В. Шиш-кина	69
Лосенок. Перевод Н. Никишина	70
«Плач сердца снова в голосе твоём...» Пе-ревод В. Широкова	71
«Бывало: пили, пели, улыбались...» Перевод В. Широкова	—
«Зарницей летней ты явилась мне...» Пере-вод Д. Михлеева	72
«Вся—дерзость, обаянье и мечта...» Пере-вод Д. Михлеева	—
Молния. Перевод И. Данилова	73
«Может быть, мне снится это...» Перевод автора	—
Корни. Перевод В. Овчарова	74
Приезжайте в гости к нам. Перевод Н. Ев-стафьева	—
«Забываем о голоде, что ли?» Перевод В. Парыгина	75

Порфирий Васильевич Афанасьев

КОРНИ

Стихотворения и поэмы

Перевод с чувашского

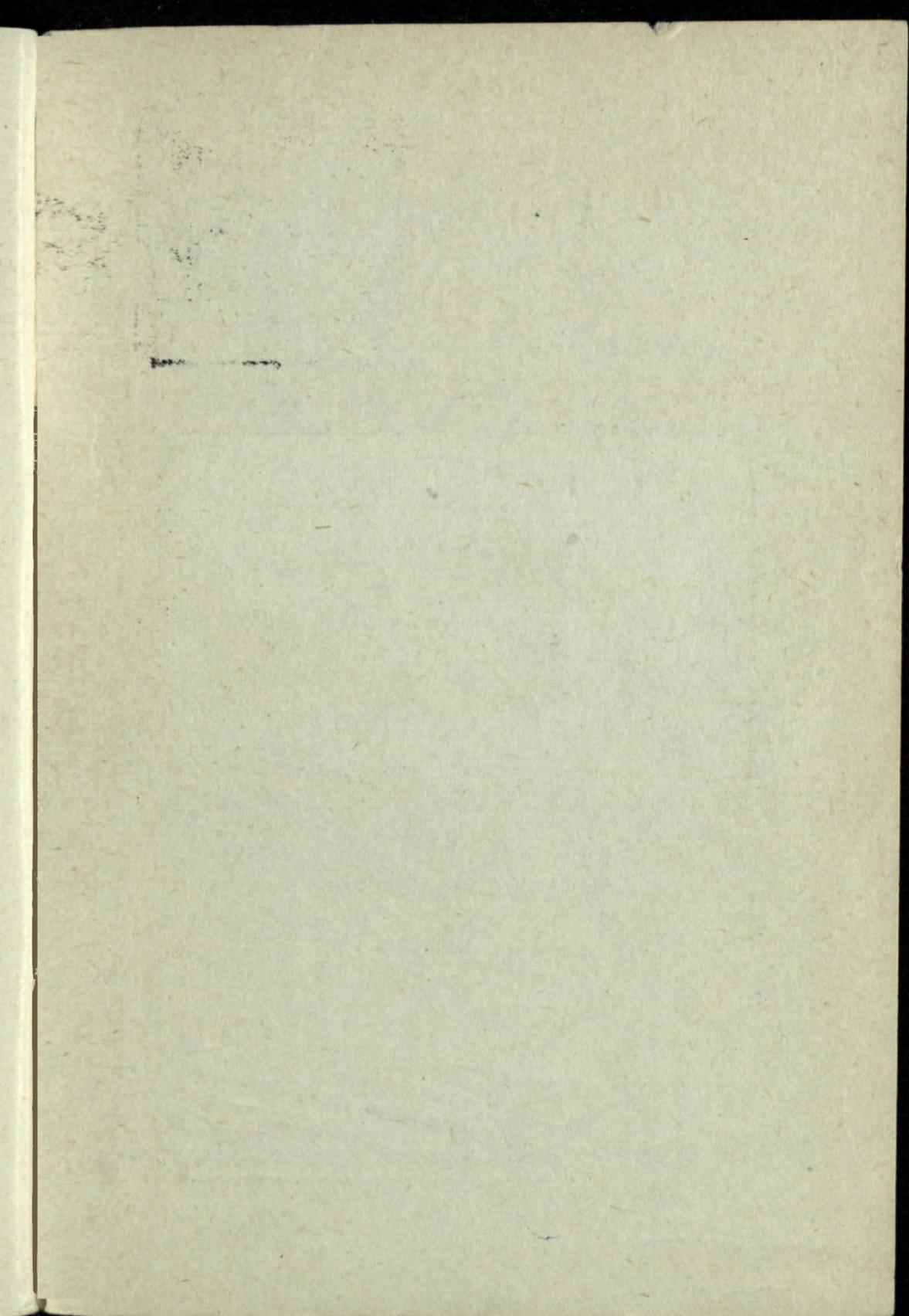
Редактор **Л. Ф. Козин**
Художник **Н. А. Уськина**
Художественный редактор **Э. М. Юрьев**
Технический редактор **Н. В. Васильева**
Корректор **А. И. Елисина**

ИБ 1520

Сдано в набор 05.04.84. Подписано в печать 26.06.84.
НТ 26094. Формат 70×90^{1/32}. Бумага типографская № 1.
Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ.
л. 2,92. Усл. кр.-отт. 3,06. Уч.-изд. л. 3,17. Тираж 1500
экз. Заказ № 1475. Изд. № 55. Цена 30 коп.

Чувашское книжное издательство,
428000, Чебоксары, пр. Ленина, 4.

Типография № 1 Государственного комитета
Чувашской АССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли,
428019, Чебоксары, Канашское шоссе, 15.

30 к.

Чувашское
книжное
издательство

